

Т.К. Щеглова*

T.K. Shcheglova*

**Устная история в российском
историографическом пространстве
1990–2010-х годов: вызовы,
достижения и риски**

**Oral History in Russian
Historiographic Space
in the Years 1990–2010s: Challenges,
Achievements and Risks**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-1

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-1

УДК 39 (470)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 8–22. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf>

Shcheglova T.K. Oral History in Russian Historiographic Space in the Years 1990–2010s: Challenges, Achievements and Risks // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 8–22. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf>

Abstract. The article resumes on the basis of thirty years work in the sphere of oral history some results of its development in the sphere of theory as well as in the practical sphere taking into consideration field experience and historiography base. The author makes an attempt to point out a number of peculiarities of the national variant of development of oral history over thirty years, the circumstances of its establishing as an independent branch of historical research, the causes of emerging problems, subjective and objective factors of its development, emphasizes the most problematic issues, reasons and conditions of its being in demand at the present moment. For this purpose the author turns to the plots connected with methodology and the process of creation of oral history sources (in the way it was established in Russian practice); as well as with the source characteristic of interview materials, their introduction into the scientific volume and interpretation. For this purpose the author makes an accent not only on successful achievements (first of all in the sphere of taboo subjects in Russian history), or practice existing in the academic sphere, but also on the risks connected with oral history and the issues which are not voiced by the scientific communities and do not have arranged decisions. On the basis of steps of development of oral history and their content pointed out by the author the conclusion is made that one of the obstacles that block of from solving imminent problems is the lack of coordination of oral historians of Russia (Russian association of oral history) and as a result – isolation from the activity of international community of oral historians (International Oral Association of History (IOAH)).

Keywords: oral history; historiography; source study; methods; sources.

The article has been received by the editor on 12.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе тридцатилетней работы в сфере устной истории подводятся некоторые итоги ее развития как в области теории, так и в области практики с опорой на полевой опыт и историографическую базу. Предпринята попытка выявить ряд особенностей отечественного варианта развития устной истории за тридцать лет, обстоятельства ее становления как самостоятельного направления исторических исследований, указываются причины возникающих проблем, субъективные и объективные факторы ее развития, обозначены наиболее дискуссионные вопросы, условия и причины ее востребованности на современном этапе. Для этого в публикации рассмотрены сюжеты, связанные как с мето-

* Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, e-mail: tk_altai@mail.ru

Shcheglova Tatyana K., Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, e-mail: tk_altai@mail.ru

дикой и процессом создания источников устной истории (так, как они сложились в российской практике), так и с источниковой характеристикой материалов интервью, их введением в научный оборот и интерпретацией. При этом делается упор не столько на достигнутые успехи (прежде всего в проработке табуированных тем истории России) или устоявшиеся в академической среде практики, сколько на те риски, которые связаны с устной историей, и на те вопросы, которые не проговорены научным сообществом и не имеют согласованных решений. В завершение, на основе выделенных автором ступеней в развитии устной истории и их содержании делается вывод, что одним из препятствий в решении назревших проблем является отсутствие консолидации устных историков России (российской ассоциации устной истории) и как следствие – оторванность от деятельности международного сообщества устных историков (Международная Устная Ассоциация Истории (ЮАН).

Ключевые слова: устная история; историография; источниковедение; методы; источники.

Устная история в России уже который год находится в роли утверждающихся направлений исторических исследований, хотя появилась в зарубежной исследовательской практике достаточно давно, с 1940-х гг. Вместе с тем можно говорить о том, что она на современном этапе подошла к признанию в академической среде, пройдя путь от ее отрицания и жесткой критики в 1990-е гг. до широкого использования в 2010-е гг. Возросшая востребованность устной истории в исследованиях по проблемам российской новейшей истории, другим социогуманитарным наукам и авторский опыт работы в сфере устной истории с 1990 г. позволяет подвести некоторые итоги с тем, чтобы выявить достижения и новации, выделить проблемные места в ее развитии, сформулировать дискуссионные вопросы, определить риски и вызовы. В данной публикации автор предпринимает попытку представить авторское видение ряда проблем, не претендуя на исчерпанность всех вопросов, которые сопровождают устную историю в России с момента ее легализации во второй половине 1980-х гг. – с заявления о создании Всесоюзного (1989 г.), а затем Всероссийского общества устной истории¹.

Сама публикация является ответом на некоторые непроработанные и/или дискуссионные места в развитии устной истории на современном этапе, решение которых будет способствовать дальнейшему ее признанию в академической среде и расширению использования в исторических исследованиях. Прежде всего это отстающая от потребностей исследовательской практики разработка теоретико-концептуальной базы ее развития и недоговоренность российского сообщества устных историков по многим дискуссионным проблемам, вопросам адаптации к российской почве зарубежного опыта устной истории. С начала 1990-х гг. по сегодняшний день появилось много серьезных конкретно-исторических и этнографических работ, источниковой базой которых служат источники устной истории (материалы интервью) с опорой на устную историю, тогда как проработка теории устной истории значительно отстает. Собственно, начиная от работ зачинателей устной истории в России, внесших значительный вклад в ее развитие в 1990-е гг., например В.А. Бердинских², до работ 2010-х гг., которые входят в золотую копилку устноисторических исследований, например, работ Э. Гучиновой³, Е.Ф. Кринко и его научной школы⁴ и других исследо-

---

¹ Щеглова Т.К. Становление и развитие российской устной истории (Oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул, 2017. С. 60–106.

² Бердинских В.А. Воюющая Россия // Знамя. 2020. № 5. С. 50–86; Бердинских В.А. Русская деревня: быт и нравы. М., 2017; Бердинских В.А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.

³ Гучинова Э.Б. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт, 2005; Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях / сост. С.И. Шевенова, Э.Б. Гучинова СПб., 2005.

вателей⁵, историописание представляет собой конкретно-исторические исследования по тем или иным проблемам истории России с опорой на материалы устной истории.

Работ, посвященных теоретико-концептуальным и технологическим аспектам, немного. Среди них более известные ранние публикации начала 1990-х гг. Д.Н. Хубовой (Москва), Д.П. Урсу (Симферополь, Одесса), В.М. Суринова (Тюмень, Москва)⁶. Подавляющее же большинство российских устных историков, также как и специалисты сопряженных гуманитарных областей, использует устную историю как метод или как источник своих исследований; созданные при вузах в 1990–2010-е гг. центры устной истории в Челябинске, Москве, Петербурге, Воронеже, Петрозаводске, Иркутске, Перми, Барнауле и других российских городах ведут большую работу по созданию источников и устных архивов по истории и социально-культурной антропологии российского общества. Есть ряд исследователей из постсоветских государств, которые в сотрудничестве с российскими историками и другими зарубежными исследователями обратились к теоретико-методологическим вопросам устной истории. Можно выделить работы Г. Шагоян (Республика Армения), А.Т. Сабирова (Республика Узбекистан), А.С. Жанбосиновой, Б.И. Ракишева (Республика Казахстан)⁷ и др.

Одной из проблемных зон является легитимность устной истории, ее право на самостоятельное существование, ее научность, которые сопрягаются с вопросами о времени ее появления в международной практике и формирования понятийного аппарата. В вопросе о возникновении устной истории в научной практике существует двоякое мнение. Одни говорят о 1940-х гг., когда оформился термин «устная история» как «oral history», и связывают с деятельностью американца А. Нэвинса, который являлся журналистом, и в силу своей профессии часто сталкивался с исторической памятью очевидцев или участников тех или иных событий. В определенной степени причастность к возникновению устной истории в США специалистов из журналистского цеха сыграла на руку противникам устной истории, подвергнувшим сомнению достоверность и объективность материалов интервью как исторических источников.

Другие считают, что устная история восходит к самому раннему этапу становления истории как знания или как науки. Начинаясь она с Геродота, Плиния, Фукидида, других летописцев древней Греции, Рима, Персии, которые слушая «седовласого старца», т.е. с опорой на его историческую память, писали истории войн. В такой форме она развивалась

⁴ Кринко Е.Ф., Тажидинова Е.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на Дону, 2013; Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014; Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград, 2015.

⁵ Стрекалова Е.Н. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России материалы и исследования воспоминания ветеранов, письма, дневники. СПб., 2008; Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Кострома, 2010; Волкова Е.Ю. Последние свидетели Великой Отечественной... (Дети в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Кострома, 2011.

⁶ Подробная библиография содержится в публикации: Щеглова Т.К. Становление и развитие российской устной истории (Oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. Барнаул, 2017. С. 60–106.

⁷ Шагоян Г.А. Введение: Устная история между историей и антропологией // Неслышимые голоса: память и пост-память в устной истории. Ереван, 2018; Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти // «Гефтер» – интернет-журнал – Михаил Гефтер [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/18335> (дата обращения: 26.05.2020); Ракишева Б., Мажитова А., Ашкенова Г., Емишева Г. Международные исследования по методике «Oral history»: опыт Казахстана // Устная история (Oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сб. ст. междунар. науч. конф. (1 ноября 2018 г., Ташкент). Ташкент, 2019. С. 68–83; Сабиров А. Устная история как метод и источник: опыт Узбекистана // Устная история (Oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сб. ст. междунар. науч. конф. (1 ноября 2018 г., Ташкент). Ташкент, 2019. С. 90–103.

через летописи и хроники, вплоть до распространения письменности и формирования архивов как мест сосредоточения письменной информации. Устная информация постепенно ушла на второй план, а с развитием в XIX в. профессиональной отрасли гуманитарного знания – истории сложилось мнение, что только письменная информация служит наиболее «правильным» источником. И историки более чем на 100 лет ограничили себя кабинетской работой в архивах.

Как известно, ситуация в хранении информации стала меняться в середине XX столетия, как об этом писала Д.Н. Хубова, «ясно, что фетишизация письменных источников в значительной степени связана с техническими условиями передачи и хранения исторической информации. Сложилась ситуация, в которой историческая наука очертила поле своих исследований документами, ограждая себя от имманентной «мифологичности» устно-исторических источников. Однако изменение техносферы всегда означает и переход общества в новое социальное измерение. С помощью техники XX в. «устная история» возрождает первый, если не самый ранний инструмент историка (по-древнегречески «хисторио» буквально означает «хожу, расспрашиваю, узнаю»), древнейший метод исторического исследования и создания источника, превращая его из мифа в знание, в полноценный и полноправный исторический источник»⁸.

Для нас вопрос о времени возникновения устной истории как самостоятельного явления исторической науки не является принципиальным. Есть устная история как направление исторических исследований или как «научная дисциплина с суммой реквизита и понятийного аппарата» (Д.Д. Хубова)⁹. Именно в сфере определения ее статуса ломаются копыта между исследователями. Есть устная история как источник и метод исследований, как в области самой истории (недавнего прошлого), социальной антропологии или этнографии, так и новых направлений исторических исследований – истории повседневности, гендерной истории, истории ментальности, исторической психологии и др. Эти «субдисциплины», как и сама устная история, родились вследствие кризиса позитивистской исторической науки и являются результатами ряда «переворотов». Прежде всего, «антропологического переворота», который сделал предметом исследования человека, находящегося внутри тех или иных исторических событий, его внутренний мир, его оценки, его ощущения. В этом смысле можно опереться на определение устной истории Д.П. Урсу, который назвал ее «устная спонтанная народная история» или «интраистория» («внутренняя глубинная история»). То есть история, в которой прошлое во всех его проявлениях изучается изнутри, от ее участников, а материалы интервью как источник имеют «облик коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков»¹⁰. И «лингвистического переворота», который ознаменовался разработкой технологий работы с текстами, в т.ч. созданными с опорой на историческую память с помощью интервьюирования.

В таком ракурсе риски устноисторических исследований существуют в сфере определения той длины памяти человека, которая позволяет соотносить достоверность и недостоверность информации устноисторического источника. В соответствии с этим сформировалась дискуссия вокруг допустимой длины памяти в устных свидетельствах. От решения этого вопроса во многом зависит и ответ об объективности информации устных исторических источников. Хотя сам вопрос об объективности не решается прямолинейно как по отношению к разного рода письменным источникам, так и разного рода документам личного происхождения. Дискуссия ведется вокруг форм исторической памяти – индивидуальная историческая память непосредственных участников или очевидцев исторических

⁸ Хубова Д.Н. Голод 1932–1933 годов, рассказы очевидцев // Библиотекарь.Ру – электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/golodomor/33.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

⁹ Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 9.

¹⁰ Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989: сб. ст. М., 1989. С. 115.

событий или коллективная поколенная память, существующая в виде преданий. В первом случае, по мнению автора, – это свидетельство очевидца как пересказ виденного самим участником событий, например участником афганской войны. Во втором случае – это мифологизированное знание, полученное через свидетельство виденного другими участниками прошлой жизни и пересказываемое из поколения в поколение от одних – другим. Например, хранимые в семье рассказы дедов и прадедов о переселении в Сибирь.

Эти два вида знания как предмета устной истории признаются не всеми. Для одних принципиальным является рассказ из первых уст участника событий, т.е. «живая история любого жизненного опыта» (Центр устной истории национальной библиотеки Австралии). Другие включают в предмет исследования «слухи» и признают, в т.ч. устной историей «изустно передаваемую информацию о тех или иных событиях, нередко в форме слухов». В последнем случае Д.Н. Хубова говорит об «устном наследии», которое, по нашему мнению, может существовать в виде семейных или сельских преданий. Что сопрягается со сложившимся в научной литературе представлением о разных видах памяти, обусловленной «двумя основными историческими типами мышления, условно названными мифологическим (или «мифопоэтическим», «архаичным», «образным», позже – «фольклорным», «традиционным») и историческим (или «научно-логическим»), «современным»¹¹.

На наш взгляд, этот вопрос не является критическим, благодаря привлечению историками лингвистической методики работы с нарративными текстами. Многие ведущие научные школы признают и тот, и другой вид источников. Об этом говорят и подходы специалистов одного из первых центров устной истории США, «живая история... – это то, что вокруг нас. У каждого есть история, которую он бы мог рассказать. Устная история – это свидетельство из самых первых рук. Но это также и традиции, и истории, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста» (Колумбийский университет, институт устной истории, США). Более того, на современном этапе в поисках «человека исторического прошлого» историки обратились в исследованиях к работе с фрагментами или, как их называл академик О.С. Шмидт, «ферментами устной истории» в письменных документах, начиная от текстов средневековых летописей, заканчивая допросными материалами репрессивных компаний в советское время, например, личными делами раскулаченных или репрессированных.

Но если на устность письменных хроник и летописей историки обратили внимание давно, то при работе с формализованными письменными документами архивов или опубликованных источников – недавно. Сдерживает то, что не создана методика работы с фрагментами устной истории как в средневековых документах, так и в делопроизводственных документах советского времени. Мало кто из исследователей умеет работать с устной информацией, заключенной и в летописях, и в картографических исследованиях, и в историко-статистических источниках. Некоторые исследователи ставят вопрос – а зачем это нужно? Между тем именно «фрагменты» или элементы устной истории, отразившиеся в письменных документах, отражают «человеческое содержание истории» – внутренний мир современников описываемых событий и антропологизируют исторические реконструкции.

Одним из удачных примеров рассмотрения взаимосвязи устных и письменных источников Средневековья в современной историографической культуре являются работы по истории Новгорода известного археолога В.Л. Янина и его ученика – С.И. Азбелева. Один исследователь на основе археологических артефактов, другой на основе средневековых летописей воссоздали «человеческое содержание новгородской истории»¹². Они доказали, что тексты письменных документальных памятников содержат фрагменты разговорного языка и устной речи. Предложенная ими методика выявления в письменных документах информации, полученной при опросе, и способы извлечения из нее латентной информации, позволили историкам проанализировать такие аспекты прошлой жизни, как взаимоот-

¹¹ Чмырь Л.А. Устная традиция в письменном тексте (о книге воспоминаний Г.Ш. кызы Кармышевой) // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 42.

¹² Азбелев С.И. Устная история Великого Новгорода: очерки IX–XVII столетий. Великий Новгород, 2006; Азбелев С.И. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.

ношения власти и общества, общественной атмосферы, настроения низших слоев, их установок и жизненных ценностей. В конечном итоге с помощью фрагментов устной истории они вышли на новые, ранее не доступные историкам характеристики прошлой эпохи. Интересную попытку получения новой информации из устных ферментов письменных картографических источников предприняла Е.В. Перевалова. Она установила взаимосвязь устной истории и картографирования на примере чертежей С.У. Ремезова по истории обских угров и ненцев Западной Сибири¹³.

Так или иначе, в центре внимания современного этапа развития устной истории обозначились два ключевых понятия – историческая память и текст. Акцентуация на них усилила междисциплинарность устной истории, начиная от таких важных параметров философской науки, как память, до социологии с ее вниманием к опросным технологиям и лингвистики с ее вниманием к речевым смыслам. В определенной степени этот фактор обострил ряд нерешенных проблем, которые до сих пор влияют на процессы оформления устной истории и ее реквизитов как самостоятельного направления исследований. Активное междисциплинарное взаимодействие актуализировало проблему терминологической упорядоченности, начиная от названия источников устной истории. В исследованиях встречаются разные наименования материалов интервью – историко-социологическое интервью, мемуары, научное интервью-воспоминание, устный исторический источник и т.д. Но серьезные попытки источниковедческой характеристики материалов интервью как исторических источников, их места в источниковой классификации до сих пор не предпринимались, за исключением некоторых попыток¹⁴. Более того, создаваемые методом опроса материалы не всеми признаются источниками. В том числе это проявилось и в постоянной путанице наименования самого процесса формирования источниковой базы устной истории – «создание устных источников» или «сбор устных источников». Отношение к этой ситуации автором неоднократно высказывалось, поэтому не стоит здесь на этом останавливаться, а вот к источниковедческой характеристике материалов устной истории как одной из назревших для устной истории проблем стоит обратиться. Еще в начале 1990-х гг. Д.Н. Хубова писала: «В отечественной историографии устная история, ее методология и метод долгое время находились вне поля зрения исторической науки: исторические источники устного происхождения долгое время являлись объектом пристального внимания фольклористики, но не истории. Историческое источниковедение, как и история, не принимало устный источник, особенно не пытаясь разобраться в его природе и развивать методы и приемы исторической критики. Архивоведение и археография путем использования фоновых документов затронули лишь некоторые прикладные аспекты (в первую очередь комплектование) работы с источниками устной истории»¹⁵.

Решение этой проблемы как минимум завязано на двух вопросах. Первый – признание или непризнание материалов устной истории полноценными историческими источниками и соответственно принятие единого их названия. Второй – их место в отечественной классификации источников. В последнее время в решении этих двух вопросов обозначилось два подхода: признание материалов устной истории самостоятельным видом источника: признание материалов устной истории как разновидности источников группы «документов личного происхождения». Долгое время их относили к группе «мемуары». На современном этапе часто встречается отнесение этих материалов к группе источников под названием «эго-документы».

Что касается последнего, то название «эго-документы», получившее быстрое распространение, пришло в историческую науку в определенной степени с подачи филологов. История

¹³ Перевалова Е.В. Этническая история обских угров и ненцев Западной Сибири: чертежи С.У. Ремезова и устная история // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. мат. Казань, 2–6 июля 2019 г. Казань, 2019. С. 113–114.

¹⁴ Щеглова Т.К. Материалы устной истории как исторический источник и поиски им места в научных классификациях российского источниковедения в XX–XXI столетиях // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 93–101.

¹⁵ Хубова Д.Н. Голод 1932–1933 годов, рассказы очевидцев...

этого термина идет от «осмысления документального начала в литературе». Термин «Эго-документы» был применен к «литературе с главенствующим документальным началом» – автобиографическим и биографическим. Многие вопросы, которые решает «документальная литература» или «эго-документы» в литературоведении, внешне схожи с теми, что решает в целом история и устная история в частности. Достаточно привести цитату, в которой при характеристике документальной литературы зеркально отражаются проблемы истории: «О существовании документального начала в литературе было известно с незапамятных времен. <...> Наиболее радикальные изменения произошли в XX в. <...> Родилась новая литература, устойчивого, всеми признанного имени для которой в науке нет до сих пор: едва ли не каждый называет ее по-своему и в частном порядке пытается определить ее место в традиционном ряду. Отошли в прошлое такие распространенные в литературной критике и журналистике рубежа XIX–XX вв. определения, как “литература сплетен и скандалов”, “правдивая летопись”, “разговор с собой” и т.п. Однако <...> отечественное литературоведение не слишком далеко продвинулось в выработке категориального аппарата. Сегодня в отечественной науке в качестве синонимичных успешно функционируют понятия, не всегда таковыми являющиеся: “документальная литература”, “документально-художественная литература”, “газетно-журнальная документалистика”, “литература факта”, “человеческий документ”, “литература нон-фикшн / non-fiction”, “автодокументальный текст”, “эго-документ” и т.д. Большинство из них рождено в литературно-критической практике и “официально” наукой не признано, не имеет прочного статуса. Удивительная разноголосица царит и в сфере таких жанровых обозначений, как “дневник”, “мемуары”, “записки”, “автобиография”, “биография” и т.п. <...> Причин, вызвавших столь мощный всплеск в развитии документального начала в литературе, много: и “поляризация в XX в. вымысла и правды, зачастую столь мирно неразлучных в предыдущие эпохи; <...> и способность факта (документа) дать выход “таланту самой жизни и т.д. и т.п. <...> Суть этой задачи, наверное, сам того не ведая, еще в 1915 г. прекрасно сформулировал М.М. Пришвин: “Дело человека высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменятся и самый мир”»¹⁶. По сути дела вопрос состоит в том, насколько документальная литература может быть историческим источником, также как долгое время шли споры о том, насколько могут быть историческим источником материалы устной истории.

Вопрос о видовой принадлежности источников устной истории важен, т.к. от этого зависят методы источниковедческого анализа. Исследователями разработана методика анализа разных видов документов, от «похозьяйственных книг» до мемуаров. Существуют общие рекомендации по интерпретации и введению в научный оборот разных видов документов личного происхождения, вместе с тем для каждого вида источников этой группы существуют свои особенности. У материалов устной истории они, несомненно, тоже есть. Так, если для дневников учитывается в первую очередь личность автора дневника, затем обстоятельства его создания и внешние условия, влияющие на автора, то для материалов интервью несомненно нужно учитывать наряду с личностью респондента как носителя информации и ее интерпретатора, еще и личность того, кто ведет опрос, и того, кто переводит устную речь в письменную, и другие характеристики, а затем также внешние обстоятельства и условия создания документа. Именно поэтому название «эго-документы», как буквально «Я-документы», можно применить к мемуарам, дневникам, письмам, воспоминаниям, которые так или иначе непосредственно идут от «Я» – от самого человека. И насколько этот термин применим к источнику, в создании которого участвуют «ОНИ» – как минимум трое (интервьюер, интервьюируемый и транскрибируемый), а не «Я».

Одновременно встает и вопрос, нужно ли переносить категории из литературоведения в историю? Нам видятся в этом риски междисциплинарного подхода. Каждая наука имеет свои реквизиты, обусловленные предметом исследования. И разработки отечественных

¹⁶ Местергази Е.Г. Документальное начало в литературе и задачи современной теории // Круглый стол «Литература и документ: теоретическое осмысление тем» [Электронный ресурс]. URL: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument> (дата обращения: 05.05.2020).

источниковедов, выделивших группу документов личного происхождения, зиждется на особенностях информации, заключенной в этих источниках. В связи с этим можно предположить, что источники устной истории целесообразно включить в группу документов личного происхождения, обозначив их как самостоятельный вид с самостоятельной характеристикой в сравнении с другими видами источников этой группы – эпистолярными, мемуарными, биографическими и т.д.

Никто не отрицает, что особенности источников устной истории обусловили ряд вызовов и рисков, но нельзя сказать, что они внесли что-то кардинальное или революционное в проблемы отечественного источниковедения. Так, устная история обострила дискуссию об объективности и субъективности исторических реконструкций, которая в утрированном виде сводится к дилемме «история – это наука или это мифология». Насколько вообще документ и реконструкция могут быть объективны и достоверны. И решение этих вопросов не является зоной ответственности одной устной истории.

Другое дело, что для устных историков существуют более явные риски попасть под влияние самой темы, магнетизм которой обусловлен эмоциями носителя информации, откликом на которые становятся сопереживания и сопричастность исследователя. Опыт работы в области устной истории свидетельствует о том, что влияние устной истории на исследователя может сопровождаться деформацией и мировоззрения, и гражданской позиции историка. Например, среди занимающихся антропологией советскости позиции историков могут доходить до апологетики советскости или погружение в тему советских репрессий может вести к «слепой» антисоветчине, что неминуемо отражается и на историописаниях. Хотя и эта проблема не является специфичной для устной истории. Примером служит влияние изучения этнических традиций и обычаев на этнографов, которые попадают под обаяние источникового материала, характер которого во многом определяет ностальгия носителей информации по годам молодости. Но одно дело субъективность носителя исторической памяти, другое дело – субъективность самого исследователя.

Поэтому самой проблемной зоной современного этапа развития устной истории является интерпретация устных источников и их введение в научный оборот. Устные историки осознали, что им не хватает научно выверенных технологий анализа и интерпретации устно-исторических источников. Связано это в т.ч. с особенностями источников устной истории, когда из-за обилия оценок и эмоциональных сюжетов, противоречивой информации и жизненных сценариев исторических событий, множественности нюансов исследователь тонет в материале. В таком случае историк как правило идет вслед за источниками, стараясь как можно больше внести в историописание деталей одного и того же события, делая его многоцветным и красочным. Этим объясняется наиболее традиционный способ введения в научный оборот источников устной истории – цитирование с целью расширения исторического знания. Можно согласиться с тем, что уникальность жизненных сюжетов является часто настолько самодостаточной, что существует соблазн сплошного цитирования или размещения обширных цитат. В этом отношении научные устноисторические тексты близки и похожи с этнографическими текстами своей приверженностью к описательности с прописыванием деталей исторических событий.

Именно в силу этих особенностей устных исторических источников последнее время получило широкое распространение издание материалов устной истории с научно-справочными комментариями как в России, так и за рубежом. Подобные публикации можно назвать по информативности концентрированным сосредоточением исторической памяти. Они действительно самодостаточны в реконструкции «человеческого содержания истории». Но публикации этих материалов выявили другую проблему – отсутствие методики введения этих документов в научные исторические реконструкции и их интерпретация. Одной из причин также является традиционное отношение к источнику – они используются для подтверждения достоверности тех или иных исторических фактов. В таком случае материал интервью используется только для дополнения, расширения или опровержения уже известных фактов.

Зацикленность на фактах в интервью не является гарантией достоверности исторической реконструкции. Поэтому не совсем эффективной является сложившаяся традиция создавать на основе интервьюирования и публиковать устные исторические источники «по случаю» какого-либо события или к какой-либо дате, вокруг которых ведутся беседы с их участниками с целью выявления хронологии или детализации событий. Такой контент материалов интервью с опровержением либо дополнением не является абсолютной целью устного историка. Достаточно внятную оценку такому подходу дала Д.Н. Хубова, по ее мнению, он является «характерным для традиционной исторической науки, по-прежнему наводящей фокус своего исследования на фактографию. Макроистория борется за установление факта», а задачей историка является «вывести проблему за рамки, заданные ей презумпцией документа и отраженного в нем факта», поскольку новейшие исследования «демонстрируют старую истину о том, насколько факт сам по себе условен и зыбок, насколько документ, как и любой исторический источник, зависим от контекста и интерпретации, игры ума историка, воображения и тождеств смысла»¹⁷.

Такая сфокусированность на фактографии не позволяет реализовать те преимущества устных источников, которые отличают их от других видов источников. Автор неоднократно писала о двух видах информации в материалах интервью – фактологической и оценочной, при этом именно фактологическая информация не является более важной в силу особенностей человеческой памяти, которая «не дружит с фактами». Преимущества устноисторического источника состоят в оценочной информации, которая сопряжена с идентичностью, этничностью, этнографичностью и другой инакостью самого человека и общества. Наибольшая проблема на современном этапе как раз состоит в том, что историки не замечают антропологический материал в источниках и именно этот потенциал при анализе исторических событий остается нереализованным. Исследователи мало учитывают влияние субъективных факторов на исторические события. Поэтому можно считать, что современные вызовы, с которыми встретилась сама устная история, состоят уже не в том, чтобы «быть или не быть», а в том, как работать с полученными материалами устной истории. Вопрос о введении источников устной истории в научные публикации является на сегодняшний день наиболее актуальным для сообщества отечественных устных историков, а главной текущей потребностью является методика анализа и интерпретации источников устной истории. Наибольших успехов устные историки достигли в создании источников по тем или иным проблемам новейшей отечественной истории.

Подводя итоги выявлению проблем, достижений и рисков в российской устной истории следует отметить, что в своем развитии более чем за 30 лет она прошла ряд ступеней, каждая из которых способствовала ее признанию. На первой ступеньке с 1985 по 1990-е гг. был сделан рывок в исследованиях исторической памяти по табуированным в советское время темам – репрессии, раскулачивания, депортации, диссидентство и др. В эти годы базой ее научного становления являлся созданный на основе МИАИ университет нового типа – РГГУ, в котором была открыта Лаборатория устной истории (зав. Д.Н. Хубова). Большую лепту в ее становлении внесли известные историки О.С. Шмидт, Б.С. и Д.С. Илизаровы. В эти и последующие годы большую роль в распространении устной истории сыграла правозащитная организация «Мемориал», которая в силу характера своей деятельности внесла значительный вклад в поиск носителей исторической памяти и проработку замалчиваемых в советское время тем. Но на этой ступеньке активизации деятельности по устной истории был упущен шанс консолидироваться в общество, юридически оформить российскую ассоциацию устной истории и вступить в Международную ассоциацию устной истории. Хотя были предприняты попытки сделать это на трех конференциях в Кирове и Калининграде в 1990, 1991, 1992 г.¹⁸ Отсутствие организационного начала до

¹⁷ Хубова Д.Н. Голод 1932–1933 годов, рассказы очевидцев...

¹⁸ Проблемы устной истории в СССР: тез. науч. конф. 28–29 нояб. 1989 г. в г. Кирове. Киров, 1990; Проблемы устной истории в СССР: мат-лы 2-й науч. конф., Киров, 14–15 мая 1991 г. Киров, 1991; Проблемы устной истории и современность: мат-лы 3-й науч. конф. в г. Калининграде 23–24 сентября 1992 г.). Калининград,

наших дней служит негативным фактором в развитии отечественной устной истории. Он является причиной затянувшихся дискуссий и нерешенных проблем развития устной истории как источника и как метода исследований. Негативным последствием влияния этого фактора является отрыв российских исследователей от деятельности мирового сообщества устных историков, которые один раз в два года собираются на международные конгрессы для обмена опытом и обсуждения назревших проблем. В 1990-е гг. были защищены первые и последние диссертации по устной истории¹⁹.

Следующей ступенью в развитии устной истории стала ее регионализация, что проявилось в создании центров или лабораторий устной истории, которые много сделали для разработки методики устной истории. Одним из первых региональных центров стал сектор устной истории Лаборатории исторического краеведения БГПУ (АлтГПУ) в Барнауле (1990 г.). Особую роль сыграл Центр устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Его сотрудники внесли решающую лепту в продвижение в России зарубежного опыта устной истории. Особенно благодаря переводной деятельности М.В. Лоскутовой, которая на основе зарубежного опыта разработала методические рекомендации по технологиям устной истории²⁰. Освоение ими зарубежного опыта вылилось в ряд блестящих проектов с участием таких специалистов по устной истории, как Е. Мельникова, Т. Воронина и др. Этот центр оказал значительное влияние на деятельность Петрозаводского центра устной истории.

В целом на рубеже 1990–2010-х гг. региональными центрами была проведена огромная работа по созданию источниковой базы новейшей отечественной истории. Лидирующее место в 2000–2010-е гг. заняла тема Великой Отечественной войны, те ее аспекты, которые оставались вне внимания отечественных историков²¹. В целом их можно объединить под брендом «человек на войне» – когда исследователи от героической апологетики и парадных портретов обратились к теневой стороне войны – женщины и дети на войне, гражданское население и фронт, гражданское население и оккупационный режим, военная повседневность и будни солдат и т.д.

В целом на этой ступени развития устной истории началось своеобразное «хождение в народ» исследователей за информацией. Это позволило в определенной степени ликвидировать источниковый голод. Хотя ко времени массовых устноисторических исследований на рубеже 1990–2020-х гг. многие темы уже были упущены, но все же устные историки захватили поколения, являвшиеся очевидцами таких исторических травматических событий, как революции, репрессии, войны. Созданные источники на современном этапе, а главное по мере удаления от этих событий будут иметь непреходящее значение.

В 2010-е гг. работа по созданию источников продолжилась. Отличием развития на этой ступеньке стала антропологизация истории и исторических дисциплин, в результате чего устная история становится важным инструментом в социогуманитарных исследованиях и как метод, и как источник. При этом она открывает новые перспективы. Например, для этнографических исследований, при глобальной трансформации традиционной культуры, когда изучение уходит в область нематериальной сферы, устная история предоставляет исследовательский инструментарий для ее изучения. Соединение этнографических методов

1992.

¹⁹ Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

²⁰ Лоскутова М.В. Устная история. Метод. рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002; Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.

²¹ Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования. М., 2006; «Детство у меня было...». Образ концентрационного лагеря в воспоминаниях бывших несовершеннолетних узников: сборник статей, воспоминаний и интервью. Воронеж, 2010; «Жутко вспоминать...» Война и оккупация Воронежской области в свидетельствах очевидцев: сборник статей и интервью. Воронеж, 2013; Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью. Воронеж, 2010; Устная история в Карелии...

полевой работы с устной историей усиливает источниковый эффект. Наибольшее значение устная история приобретает в изучении исторической памяти, например, в формирующемся новом направлении – антропологии экстремальности, когда на первый план выходит изучение травматической памяти. Ведущее место занимает устная история при изучении антропологии академической жизни, которая сопрягается с развитием устной истории науки и других направлений. И там, и там интервью является важнейшим инструментом исследования.

Литература

Азбелев С.И. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 299 с.

Азбелев С.И. Устная история Великого Новгорода: очерки IX–XVII столетий. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т, 2006. 307 с.

Бердинских В.А. Воюющая Россия // Знамя. 2020. № 5. С. 50–86.

Бердинских В.А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Ломоносовъ, 2011. 328 с.

Бердинских В.А. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.

Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. 155 с.

Волкова Е.Ю. Последние свидетели Великой Отечественной... (дети в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Кострома: Изд-во КГТУ, 2011. 286 с.

Гучинова Э.Б. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005. 282 с.

Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под. ред. М.А. Рыбаковой. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.

Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина [и др.]. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.

«Детство у меня было...». Образ концентрационного лагеря в воспоминаниях бывших несовершеннолетних узников: сборник статей, воспоминаний и интервью / сост. Н.П. Тимофеева. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2010. 320 с.

«Жутко вспоминать...» Война и оккупация Воронежской области в свидетельствах очевидцев: сборник статей и интервью / сост. Н.П. Тимофеева. Воронеж: Воронежская областная типография, 2013. 328 с.

Кринко Е.Ф., Тажидинова Е.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью / сост. Н.П. Тимофеева. Воронеж: ВГПУ, 2010. 228 с.

Лоскутова М.В. Устная история. Метод. рекомендации по проведению исследования. СПб.: Европейский Дом, 2002. 56 с.

Местергази Е.Г. Документальное начало в литературе и задачи современной теории // Круглый стол «Литература и документ: теоретическое осмысление темы» [Электронный ресурс]. URL: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument> (дата обращения: 05.05.2020).

Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 30 с.

Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях / сост. С.И. Шевенова, Э.Б. Гучинова. СПб.: Алетейя, 2005. 236 с.

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования. М.: Новое издательство, 2006. 392 с.

Перевалова Е.В. Этническая история обских угров и ненцев Западной Сибири: чертежи С.У. Ремезова и устная история // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. мат-лов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 113–114.

Проблемы устной истории в СССР: мат-лы 2-й науч. конф., Киров, 14–15 мая 1991 г. / отв. ред. В.А. Бердинских. Киров, 1991. 79 с.

Проблемы устной истории в СССР: тез. науч. конф. 28–29 нояб. 1989 г. в г. Кирове / отв. ред. В.А. Бердинских. Киров, 1990. 39 с.

Проблемы устной истории и современность: мат-лы 3-й науч. конф. в г. Калининграде 23–24 сентября 1992 г. / отв. ред. Ю.В. Костяшов. Калининград, 1992. 52 с.

Ракишева Б., Мажитова А., Ашкенова Г., Емишева Г. Международные исследования по методике «Oral history»: опыт Казахстана // Устная история (Oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сб. ст. Междунар. науч. конф. (1 ноября 2018 г., Ташкент). Ташкент, 2019. С. 68–83.

Сабиров А. Устная история как метод и источник: опыт Узбекистана // Устная история (Oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сб. ст. Междунар. науч. конф. (1 ноября 2018 г., Ташкент). Ташкент, 2019. С. 90–103.

Стрекалова Е.Н. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования, воспоминания ветеранов, письма, дневники. СПб.: Европейский дом, 2008. 291 с.

Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989: сб. ст. / отв. ред. В.А. Кучкин. М.: Наука, 1989. С. 115.

Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источн. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А.В. Голубев, А.Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 212 с.

Хрестоматия по устной истории / под общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. 396 с.

Хубова Д.Н. Голод 1932–1933 годов, рассказы очевидцев // Библиотекарь.Ру – электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/golodomor/33.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 34 с.

Чмырь Л.А. Устная традиция в письменном тексте (о книге воспоминаний Г.Ш. кызы Кармышевой) // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 42–52.

Шагоян Г.А. Армянский геноцид как метанарратив травматической памяти // «Гефтер» – интернет-журнал – Михаил Гефтер [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/18335> (дата обращения: 26.05.2020).

Шагоян Г.А. Введение: Устная история между историей и антропологией // Неслышимые голоса: память и пост-память в устной истории / под ред. Г.А. Шагоян. Ереван: Изд-во ИАЭ, 2018.

Щеглова Т.К. Материалы устной истории как исторический источник и поиски им места в научных классификациях российского источниковедения в XX–XXI столетиях // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 93–101.

Щеглова Т.К. Становление и развитие российской устной истории (Oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул, 2017. С. 60–106.

References

(2006). *Pamyat o blokade. Svidetelstva ochevidtsev i istoricheskoe soznanie obshchestva: Materialy i issledovaniya* [Memory of the blockade. Eyewitness accounts and the historical consciousness of society: Materials and research]. Moscow, Novoe izdatelstvo. 392 p.

Azbelev, S.I. (2006). *Ustnaya istoriya Velikogo Novgoroda: ocherki IX–XVII stoletii* [Oral history of Veliky Novgorod: sketches of the 9th–17th centuries]. Velikii Novgorod, Novgorodskii gos. un-t. 307 p.

Azbelev, S.I. (2007). *Ustnaya istoriya v pamyatnikakh Novgoroda i Novgorodskoi zemli* [Oral history in the monuments of Novgorod and the Novgorod land]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin. 299 p.

Berdinskikh, V.A. (1990). *Problemy ustnoi istorii v SSSR: (Tez. nauch. konf.) 28–29 noyab. 1989 g. v g. Kirove* [Problems of oral history in the USSR: (Abstracts of scientific conf.) 28–29 nov. 1989 in Kirov]. Kirov. 39 p.

Berdinskikh, V.A. (1991). *Problemy ustnoi istorii v SSSR: Materialy 2-i nauch. konf., Kirov, 14–15 maya 1991 g.* [Problems of oral history in the USSR: Materials of the 2nd scientific. Conf., Kirov, May 14–15, 1991]. Kirov. 79 p.

Berdinskikh, V.A. (2011). *Rech'i nemykh. Povsednevnyaya zhizn russkogo krestyanstva v XX veke* [Speeches of the dumb. Everyday life of the Russian peasantry in the 20th century]. Moscow, Lomonosov. 328 p.

Berdinskikh, V.A. (2017). *Russkaya derevnya: byt i nray* [Russian village: everyday life and customs]. Moscow, Lomonosov. 272 p.

Berdinskikh, V.A. (2020). *Voyuyushchaya Rossiya* [Warring Russia]. In *Znanya*. 2020. No. 5, pp. 50–86.

Chmyr, L.A. (2015). *Ustnaya traditsiya v pis'mennom tekste (o knige vospominanii G.Sh. Kyzy Karmyshevoi)* [Oral tradition in the written text (about the book of memoirs by G.Sh. Kyza Karmysheva)]. In *Vostok (Oriens)*. No. 1, pp. 42–52.

Golubev, A.V., Osipov, A.Yu. (Eds.). (2007). *Ustnaya istoriya v Karelii: sbornik nauchnykh statei i istochnikov. Vyp. III. Finskaya okkupatsiya Karelii (1941–1944)* [Oral history in Karelia: collection of scientific articles and sources. Iss. III. Finnish occupation of Karelia (1941–1944)]. Petrozavodsk, PetrSU Publishing House. 212 p.

Guchinova, E.B. (2005). *Pomnit nelzya zabyt. Antropologiya deportatsionnoi travmy kalmykov* [Remember cannot be forgotten. Anthropology of the Kalmyks deportation trauma]. Stuttgart, Ibidem. 282 p.

Khubova, D.N. (1992). *Ustnaya istoriya i arkhivy: zarubezhnye kontseptsii i opyt* [Oral history and archives: foreign concepts and experience]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 34 p.

Khubova, D.N. (1995). *Golod 1932–1933 godov, rasskazy ochevidtsev* [Hunger 1932–1933, eyewitness stories] In *Bibliotekar.Ru – elektronnyaya biblioteka* [Bibliotekar.Ru – electronic library]. Available at: URL: <http://www.bibliotekar.ru/golodomor/33.htm> (date of access: 05.05.2020).

Kostyashov, Yu.V. (1992). *Problemy ustnoi istorii i sovremennost': materialy 3-i nauch. konf. v g. Kaliningrade 23–24 sentyabrya 1992 g.* [Problems of oral history and the present: materials of the 3rd scientific. conf. in Kaliningrad on September 23–24, 1992]. Kaliningrad. 52 p.

Krinko, E.F., Tazhidinova, E.G., Khlynina, T.P. (2013). *Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)* [The private life of Soviet people in wartime: space, boundaries and mechanisms of implementation (1941–1945)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN. 362 p.

Loskutova, M.V. (2002). *Ustnaya istoriya. Metod rekomendatsii po provedeniyu issledovaniya* [Oral history. Method. recommendations for the study]. St. Petersburg, Yevropeiskii Dom. 56 p.

Loskutova, M.V. (Ed.). (2003). *Khrestomatiya po ustnoi istorii* [Oral history reader]. St. Petersburg, Yevrop. un-t v Sankt-Peterburge. 396 p.

Mestergazi, E.G. Dokumentalnoe nachalo v literature i zadachi sovremennoy teorii [Documentary Beginning in Literature and Tasks of Modern Theory]. In *Kruglyy stol "Literatura i dokument: teoreticheskoe osmyslenie temy"*. URL: <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument> (date of access: 05.05.2020).

Mokrova, M.V. (2004) *Ustnaya istoriya nauki: ot istoriograficheskikh traditsii k kompleksnomu istochnikovedeniyu* [Oral history of science: from historiographic traditions to complex source study]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 30 p.

Perevalova, E.V. (2019). Etnicheskaya istoriya obskikh ugrov i nentsev Zapadnoi Sibiri: chertezhi S.U. Remezova i ustnaya istoriya [Ethnic history of the Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: drawings of S.U. Remezov and oral history]. In *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii, 2–6 iyulya 2019 g.* Moscow; Kazan, IEA RAN, KFU, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. pp. 113–114.

Rakisheva, B., Mazhitova, A., Ashkenova, G., Emisheva, G. (2019). Mezhdunarodnye issledovaniya po metodike "Oral history": opyt Kazakhstana [International studies using the "Oral history" method: the experience of Kazakhstan]. In *Ustnaya istoriya (oral history) v otechestvennoi i zarubezhnoi praktike: metod, istochnik, kulturno-obrazovatelnye tekhnologii: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (1 noyabrya 2018 g., Tashkent)*. Tashkent. pp. 68–83.

Rybakova, M.A. (Eds.). (2014). *Deti i voina: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhitel'ev goroda* [Children and the War: The Battle of Stalingrad and Life in Military Stalingrad in the Memoirs of City Residents]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS. 512 p.

Ryblova, M.A., Krinko, E.F., Khlynina, T.P. (2015). *Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detei v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stalingradskoi bitvy)* [Childhood and War: the Culture of Everyday Life, the Mechanisms of Adaptation and Practices of the Survival of Children in the Conditions of the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VO RANKhiGS. 336 p.

Sabirov, A. (2019). Ustnaya istoriya kak metod i istochnik: opyt Uzbekistana [Oral history as a method and source: the experience of Uzbekistan]. In *Ustnaya istoriya (oral history) v otechestvennoi i zarubezhnoi praktike: metod, istochnik, kulturno-obrazovatelnye tekhnologii: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (1 noyabrya 2018 g., Tashkent)*. Tashkent, 2019, pp. 90–103.

Shagoyan, G.A. (2016). Armyanskii genotsid kak metanarrativ travmaticheskoi pamyati [Armenian genocide as a metanarrative of traumatic memory]. In *"Gefter" – internet-zhurnal – Mikhail Gefter* ["Gefter" – Internet magazine – Mikhail Gefter]. Available at: URL: <http://gefter.ru/archive/18335> (date of access: 26.05.2020).

Shagoyan, G.A. (2018). *Vvedenie: Ustnaya istoriya mezhdru istoriei i antropologii* [Introduction: Oral history between history and anthropology]. In *Neslyshimye golosa: pamyat i postpamyat v ustnoi istorii*. Erevan, Izdatelstvo IAE.

Shcheglova, T.K. (2017). Stanovlenie i razvitie rossiiskoi ustnoi istorii (oral history) v 1980–2010 gody v kontekste obshchestvenno-politicheskoi i nauchnoi zhizni Rossii i v sravnenii s mezhdunarodnymi traditsiyami ustnoi istorii [Formation and development of Russian oral history (oral history) in 1980–2010 in the context of socio-political and scientific life in Russia and in comparison with international traditions of oral history]. In *Ustnaya istoriya (Oral history) v sovremennoi issledovatel'skoi praktike na postsovet'skom prostranstve*. Barnaul, pp. 60–106.

Shcheglova, T.K. (2019). Materialy ustnoi istorii kak istoricheskii istochnik i poiski im mesta v nauchnykh klassifikatsiyakh rossiiskogo istochnikovedeniya v XX–XXI stoletiyakh [Materials of oral history as a historical source and its search for a place in the scientific classifications of Russian source study in the 20th–21st centuries]. In *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 93–101.

Shevenova, S.I., Guchinova, E.B. (Ed.). (2005). *Pamyat v nasledstvo. Deportatsiya kalmykov v shkolnykh sochineniyakh* [Inherited memory. Deportation of Kalmyks in school essays]. St. Petersburg, Aleteiya. 236 p.

Strekalova, E.N. (2008). *Pamyat o Velikoy Otechestvennoy voine v sotsiokulturnom prostanstve sovremennoy Rossii: materialy i issledovaniya, vospominaniya veteranov, pisma, dnevniki* [Memory of the Great Patriotic War in the socio-cultural space of modern Russia materials and research; memoirs of veterans, letters, diaries]. St. Petersburg, Yevropeiskii Dom. 291 p.

Timofeeva, N.P. (Ed.). (2010). “*Detstvo u menya bylo...*” *Obraz kontsentratsionnogo lagerya v vospominaniyakh byvshikh nesovershennoletnikh uznikov: sbornik statei, vospominanii i intervyyu* [“I had my childhood...” The image of a concentration camp in the memoirs of former juvenile prisoners: a collection of articles, memoirs and interviews]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 320 p.

Timofeeva, N.P. (Ed.). (2010). *Lagernyi opyt v zhizni i pamyati russkikh i nemtsev – vozmozhnosti i predely sovmestnykh vospominaniy: materialy konferentsii, vospominaniya, intervyyu* [Camp experience in the life and memory of Russians and Germans – the possibilities and limits of joint memories: conference materials, memoirs, interviews]. Voronezh: VGPU. 228 p.

Timofeeva, N.P. (Ed.). (2013). “*Zhutko vspominat...*” *Voina i okkupatsiya Voronezhskoi oblasti v svidetelstvakh ochevidtsev: sbornik statei i intervyyu* [“It’s scary to remember...” War and the occupation of the Voronezh region in eyewitness accounts: a collection of articles and interviews]. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya. 328 p.

Ursu, D. P. (1989). Metodologicheskie problemy ustnoy istorii [Methodological problems of oral history]. In *Istchnikovedenie otechestvennoi istorii, 1989*. Moscow, Nauka, p. 115.

Volkova, E.Yu. (2011). *Poslednie svideteli Velikoi Otechestvennoi...: (deti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.)* [The last witnesses of the Great Patriotic War...: (children during the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Kostroma, Izd-vo KGTU. 286 p.

Volkova, E.Yu. (2010). *Malenkie uchastniki bolshoi voiny (deti v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.)* [Little participants in the big war (children in the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Kostroma, Izd-vo KGTU. 155 p.

Статья поступила в редакцию 12.07.2020 г.